

Литературная газета

№ 68 (559)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Понедельник, 9 декабря 1935 г.

ОСНОВНОЕ ЗВЕНО

Литературный «урожай» 1936-го года будет, по видимому, обильным. Опубликованные недавно в нашей печати сведения о новых, появляющихся в ближайшее время, книгах включают большое количество романов, повестей и поэм, драм и комедий. Творческая активность писателей была в огромной степени стимулирована писательским съездом и той замечательной атмосферой внимания и доверия, которой окружила работу съезда наша партия и вся Советская страна. Сейчас мы получаем возможность судить, насколько плодотворны были эти почти полтора года, прошедшие после съезда, насколько реализуются в творческой практике писателей те многочисленные декларации, которые произносились на съезде и после него.

Тысяча девятьсот тридцать пятый год войдет в историю социалистического строительства как год замечательных качественных сдвигов во всех областях нашей работы и борьбы. Это год рождения стахановского движения, подготовленного всеми предыдущими годами нашего развития, теми историческими процессами, которые в корне изменили технический, экономический и культурный облик нашей страны. После исторической речи товарища Сталина на выпуске академиков Красной армии, на исходе этого года прозвучали замечательные слова вождя о стахановском движении, открывающем нам «стот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим».

Мы напоминаем здесь о величайших событиях последнего года потому, что они определяют новые качественные требования, которые мы выдвигаем и должны предъявить художественной литературе. Новых людей с новыми социально-психологическими качествами ежедневно и ежедневно рождает наша страна. «Сегодня стахановцев еще мало, но кто может сомневаться, что завтра их будет вдвое больше?» (Сталин). А ведь именно их, этих замечательных людей, которых «завтра будет вдвое больше», призваны воспитывать и вести вперед по пути культурного роста советский писатель — инженер человеческих душ. Вот тот факт первостепенного значения, в свете которого мы должны пересмотреть все наши литературные критерии. Новым конкретным содержанием наполняется лозунг о литературе, достойной нашей страны, нашей эпохи. Художественная литература наша должна держать и выдерживать экзамен на зрелость мысли и чувства, на умение пленять, вдохновлять и вести за собой передовых людей бесклассового социалистического общества.

С этих позиций наша критика должна оценить литературную продукцию истекшего года и ту, что выйдет в свет в ближайшие месяцы. Нужно преодолеть большую и серьезную работу по пропаганде среди многомиллионной читательской массы лучших произведений советских писателей, помогающую читателю осмыслить и оценить их с правдивых позиций. Нужно помочь общественно-политическому, культурному и художественному росту наших писателей, нелицеприятным указанием на их ошибки и срывы. Нужно на конкретно-критическом материале сформулировать наши

требования к художественному произведению, полным голосом, без влияния и недомолвок, сказать об успехах и неудачах советской литературы. Большевикская самокритика часто бывает не в чести у многих наших литераторов и литературных организаций, а без нее нет движения вперед.

Задачи литературной критики сейчас особенно ответственны. Общеизвестна ее слабость. У нас мало литературных критиков, к голосу которых прислушивались бы и читатели, и писатели. У нас мало критических статей и рецензий, которые просто и объективно, ярко и глубоко анализировали бы художественные произведения, не захваливая и не охаявая огульно, не называя читателю поверхностных и легких выводов. У нас много критического верхоглядства, псевдоученой дидактики, безапелляционных суждений, не подкрепленных серьезными доводами, разрывности в необоснованном раздувании писательских репутаций, вульгарной вкусовщины, энигматичности перед именами, равнодушия в отношении литературной молодежи. Довольно часто за последние время мы давали амнистии литературному штампу и серости мысли, литературной неуклюжести, суровости и лакировке действительности, которых еще немало в нашей литературе. Среди немногих талантливых книжек как бы незначительными остаются «произведения» мещан и пошляков, в которых пошлые анекдоты перемежаются «политически выдержанными» лозунгами и откровенная «клубничка» цветет рядом с приспособленческими словословиями «новому быту».

Атмосфера некоей успокоенности, святого добродушия, непрекращающейся уверенности, что «все в порядке», отнюдь не способствует росту литературы. А между тем, такая атмосфера создается иногда в критико-библиографических отделах наших литературных журналов, особенно тех из них, которые считают, что, «закупив» десяток романов и разрезав каждый из них на двенадцать (по числу номеров журнала) кусков, они полностью исчерпали свои редакционные обязанности. Это же болезненно добродушное успокоенности страдают нередко и литературные газеты, в том числе и наша.

Указания нашей партии на необходимость коренного улучшения всей критико-библиографической работы, инициатива «Правды», организовавшей специальную литературную страницу, — широко ставят задачу вести необходимую оживленную работу литературных критиков. Это в первую очередь относится к критикам-коммунистам, обязанным организовать и возглавить переход на фронте конкретной критики. Нашим литературоведам, склонным замыкаться в тиши своих кабинетов, нужно хорошо запомнить слова товарища Сталина: «Наука, порывавшая связь с практикой, с опытом, — такая же ато наука».

Без решения задачи организации широкой и повседневной критико-библиографической работы невозможно решить основную и важнейшую задачу литературных организаций — задачу творческого руководства литературой. Именно поэтому работа критических секций ЦСП, не бешущая сейчас большим оживлением, критико-библиографической работы журналов Союза должна стать центральным звеном всей практической деятельности Союза писателей.

СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ В ПАРИЖЕ

Париж. 8 декабря (по телефону)

Вот уже три недели наши поэты — А. Безымянский, С. Кирсанов, В. Луговской и И. Сельвинский находятся в заграничной командировке. Они побывали в Чехословакии, а теперь едут в столицу Франции. Вчера вечером сотрудник «Литературной газеты» вызвал по телефону поэтов, которые поделились своими впечатлениями:

Мы в начале считали, что поэзия является одним из самых ярких выразителей нашей советской культуры. Сейчас, когда мы путешествуем по Европе и знакомимся с состоянием поэзии на Западе, еще больше укрепилось это убеждение. После поездки в Чехословакию, где нам был оказан исключительный дружеский, теплый прием, мы прибыли в Париж. Здесь в непосредстве мы увидели последние московские газеты.

Мы часто ждем, что Маяковский не успеет раскрыть образ Сталина. Слова Сталина о Маяковском прозвучат во всем мире как прекраснейшая из поэм. В тот час, когда Гейне изгнан из своей родины, и Гюго понижается Французской академией, они ясно показывают всему человечеству, где и с каким классом находится поэзия.

Мы осматриваем сейчас Париж. Знакомимся с французскими писателями и поэтами. У нас много интересных встреч. Только что мы долго беседовали о Луи Арагоном. Вера к нам пришла группа молодых рабочих поэтов. Мы рассказывали им о нашей замечательной родине, о роли поэта в Советской стране. Они слушали нас с завистью и восхищением. Молодые французские рабочие читали нам свои стихи. Это были хорошие стихи и очень хорошие сама ребята — настоящие революционные бойцы.

С завтрашнего дня у нас начнутся общественные встречи и выступления.

**А. БЕЗЫМЯНСКИЙ
С. КИРСАНОВ
В. ЛУГОВСКОЙ
И. СЕЛВИНСКИЙ**

На совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства. Поэт Лахути передает товарищу Сталину свою поэму.

НА СОВЕЩАНИИ В КРЕМЛЕ

4 декабря в Кремле состоялось совещание передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства. В совещании приняли участие 43 колхозника и колхозницы Таджикистана и 33 колхозника и колхозницы Туркменистана, добившиеся в этом году рекордных сборов хлопка.

Громкими криками «ура», «Да здравствует товарищ Сталин!», бурными овациями, долго не смолкающими аплодисментами, радостными приветственными возгласами на родных языках встретили передовые колхозники и колхозницы Таджикистана и Туркменистана товарищей Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Микояна, Чубаря, Андреева, Рудзутака, Яковлева, Чернова, Любимова.

В зале долго гремели бурные аплодисменты, приветственные возгласы на таджикском, туркменском и русском языках. Возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин! Ура!», «Да здравствует любимый вождь народов товарищ Сталин!», «Да здравствует товарищ Молотов! Ура!», «Ура товарищу Кагановичу!», «Товарищу Ворошилову ура!», «Родному Сталину ура!».

Под бурные овации делегатов члены правительства занимают места в президиуме.

Открывая совещание, председатель Совета народных комиссаров СССР товарищ Молотов от имени руководителей партии и правительства приветствует участников совещания как представителей широких масс колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана, которые в этом году одержали великую победу на хлопковом фронте.

Товарищ Молотов предоставляет первое слово организатору колхоза «Коминтерн» Ходжентского района, заместителю председателя ЦИК Таджикистана Советской Социалистической Республики тов. Бобокаланову Пулату.

Речь тов. Бобокаланова прерывается бурными аплодисментами. Делегаты преподносят товарищу Сталину отчет в художественном оформлении хлопкового куста с рекордным количеством коробочек. Под бурные аплодисменты и крики «ура» делегаты Таджикистана передают национальные костюмы товарищу Сталину, Молотову, Кагановичу, Орджоникидзе, Ворошилову, Андрееву, Микояну, Чубарю, Рудзутак, Чернову, Яковлеву и Любимову.

Представители лучших колхозов Таджикистана и Туркменистана рассказали руководителям партии и

правительства о своей работе над хлопком, об огромных успехах в хозяйственном и культурном строительстве своих республик.

На совещании выступили колхозники и колхозницы: Бобокаланов Пулат, Ага Юсуп Али — председатель колхоза «Большевик» Байрам-Алийского района Туркменистана; Бобокаланов Джура — председатель колхоза «Социализм» Ходжентского района Таджикистана; Гельдиева Эне — колхозница, председатель Фаробского райисполкома Туркменистана; Мамлакат Нахангова — пионерка из колхоза им. Лахути Сталинабадского района Таджикистана; Гюль Набат — звеньевая колхоза «Добровольный» Сталинского района Туркменистана; Силаб Карнибаев — директор Сталинской МТС Туркменистана; Султанов Мукум Мурат — председатель колхоза «Кзыл колду» Кокташского района Таджикистана; Огуль Газель Бахит — звеньевая колхоза «Большевик» Байрам-Алийского района Туркменистана; Хамра Биби Абидова — колхозница колхоза им. Рахмиева Кульбаевского района Таджикистана. На совещании выступил народный поэт Таджикистана Лахути.

Колхозники и колхозницы горячо благодарили товарища Сталина, партию и советское правительство за избавление от векового гнета, за счастливую, зажиточную жизнь, которую они завоевывают при помощи и под руководством ленинской партии.

После выступления тт. Любимова и Чернова выступили встречными бурными аплодисментами, криками «ура» председатель Совета народных комиссаров СССР товарищ Молотов.

В конце заседания с коротким словом выступил товарищ Сталин. Горячие овации, приветственные возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!», «Привет родному Сталину!», «Ура нашему другу и учителю!» долго не позволяли товарищу Сталину начать свою речь. Выступление товарища Сталина было прослушано с восторгом и напряженным вниманием. По окончании его речи колхозники и колхозницы устанавливают товарищу Сталину бурную и продолжительную овацию. Под сводами Кремлевского зала раздаются приветственные возгласы на таджикском, туркменском и русском языках: «Да здравствует любимый вождь народов наш Сталин!».

Встреча передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства отличалась исключительной теплотой.

РЕЧЬ товарища СТАЛИНА

НА СОВЕЩАНИИ ПЕРЕДОВЫХ КОЛХОЗНИКОВ И КОЛХОЗНИЦ ТАДЖИКИСТАНА И ТУРКМЕНИСТАНА

Товарищи! Президиум настоящего совещания поручил мне заявить вам о двух вещах:

Во-первых, о том, что у президиума имеется намерение представить к высшей награде — ордену всех участников и участниц данного совещания — за отличную работу (продолжительные бурные аплодисменты. Крики «ура»). Возгласы: Да здравствует товарищ Сталин! Продолжительная овация и приветственные возгласы по адресу руководителей партии и правительства).

Во-вторых, о том, что у правительства имеется решение дать по грузовику каждому колхозу, представленному здесь, и преподнести каждому из участников совещания по патефону с пластинками (аплодисменты) и часы: мужчинам — карманные, а женщинам — ручные. (Продолжительные аплодисменты).

Мне говорят отовсюду, что я должен кое-что сказать.

Возгласы: Правильно! (аплодисменты). Что тут сказать? Все сказано. Очевидно, что дело с хлопком у вас пойдет. Это видно из всего того, что у нас здесь происходит. Колхозы у вас растут, желание работать имеется, машины дадим, удобрение получите, помощь всякая, какая только необходима, — тов. Молотов, председатель Совнаркома, уже заявил вам об этом, — будет оказана. Стало быть, дело с хлопком у вас пойдет, и зажиточная жизнь развернется.

Но есть, товарищи, одна вещь, более ценная, чем хлопок, — это дружба народов нашей страны. Настоящее совещание, ваши речи, ваши дела говорят о том, что дружба между народами нашей великой страны укрепляется. Это очень важно и знаменательно, то-

варищи. В старое время, когда у власти в нашей стране стояли царь, капиталисты, помещики, политика правительства состояла в том, чтобы сделать один народ — русский народ — господствующим, а все другие народы — подчиненными, угнетенными. Это была зверская, волчья политика. В октябре 1917 г., когда у нас развернулась великая пролетарская революция, когда мы свергли царя, помещиков и капиталистов, великий Ленин, наш учитель, наш отец и воспитатель, сказал, что не должно быть отныне ни господствующих, ни подчиненных народов, что народы должны быть равными и свободными. Этим он похоронил в гроб старую царскую, буржуазную политику и провозгласил новую, большевистскую политику — политику дружбы, политику братства между народами нашей страны.

С тех пор прошло 18 лет. И вот, мы имеем уже благие результаты этой политики. Настоящее совещание является ярким доказательством того, что былому недоверию между народами СССР давно уже положен конец, что недоверие сменялось полным взаимным доверием, что дружба между народами СССР растет и крепнет. Это, товарищи, самое ценное из того, что дала нам большевистская национальная политика.

А дружба между народами СССР — большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует. Можете не сомневаться в этом, товарищи.

(Бурная овация, все присутствующие встают, возгласы «Сталину ура!»)

РЕЧЬ т. ЛАХУТИ

Говорит на таджикском языке. По окончании речи тов. Лахути переводит ее на русский и туркменский языки.

Товарищи! Когда наш вождь, оледей в таджикское одеяло, получил туркменский ковер с портретом своего учителя — Ленина, у него лицо стало сиять, точно он увидел перед собой живого Ленина, точно он ждал, что тот сейчас с ним заговорит. Етубо возволнованный этим, я тут же написал четверостишие и по телефону передал его переводнице т. Бану. Вот перевод этого экспромта:

«Когда я видел в таджикском ярком одеянии, На плед своих усилий Сталин-большевик, Из красок радужных туркменского создания,

Сияя счастьем, образ Ленина возник». (Бурные аплодисменты, крики «ура»).

Товарищи, в этом году каждую неделю, почти каждый день товарищ Сталин и союзное правительство принимают все новые и новые отряды победителей, отряды колхозников, рабочих-стахановцев, героев социалистических полей, людей самых разнообразных национальностей, часто недавно еще забитых и отсталых. Видя это, я вспоминаю, что в истории было немало случаев, когда в дворках правителей принимали представителей отсталых народов.

Их принимал Чингиз-хан, принимал Дарий персидский, принимал Александр Македонский. Но для того, чтобы люди этих народов были неслучайно приняты, требовалось одно неперемное условие: чтобы они, эти

народности, были окончательно побеждены, подчинены, раздвинены.

Совершенно иное условие необходимо для того, чтобы быть принятым нашим великим пролетарским вождем, нашим Сталиным. Условие это таково, что трудящиеся этих ранее отсталых народностей обязательно должны быть победителями... (Бурные аплодисменты, крики «ура»)... победителями природы. Ко рече говоря, если ты, пролетарий, хочешь быть принят своим вождем Сталиным, то ивиль победить. Сталин — это победа, он пораженный не терпит.

Молотов: Правильно! (Бурные аплодисменты. Крики «ура»).

Лахути. В Библии сказано, что бог создал Адама из праха, из земли. Но партия Ленина — Сталина воскресила мертвые народы, которые были еще ниже земли. Теперь эти народы сами победили землю и принесли рапортовать о своей победе своему родному вождю.

В Персии, в городе Керманшахе, есть большая гора, слышно ее издали. На этом камне высятся барельефы с изображением персидского царя Кира, перед которым стоят 11 славных парей. Эти барельефы выложены в память того, что на этом месте 11 царей одновременно следили шаху-завоевателю. Эти барельефы существуют уже четыре тысячи лет. Я мысленно вижу перед собой изображение парея товарищем Сталиным, еще более художественно высеянным на горах Кавказа, Средней Азии, Урала. Пусть во всем мире навеки останутся эти образы, которые теперь живут в СССР в сердцах победителей-трудящихся.

Товарищи, все здесь преподнесли свои подарки товарищу Сталину. Есть прелание, что Соломон во время одного из своих пиршеств принимал дары от всего народа. Один муравей тащил крыло саранчи. Его спрашивали: Куда ты несешь это? — Соломону, сказал он. — Да на что же ему это? Муравей ответил: Я несу ему дар не в меру его величия, а в меру своих сил. Поэма, в которой и изобразил борьбу семи бригад колхоза «Коминтерн», написана на размер «Шах-Нам» Фердоуси, но исполнена новым, большевистским содержанием. Преподнесу эту поэму товарищу Сталину. (Бурные аплодисменты, крики «ура»). Все встают, приветствуют товарища Сталина.

КОРОНА И ЗНАМЯ

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

1. Герой, лишь почуял знакомый напев, Воспрянул, как море огня закипел. Все блеще ловил он и слышал ясней Бодрящую песню любимых друзей, Все больше отаги вливалось в него, Все жарче он верил в свое торжество. И в холодном поту, слыша гибели шаг, Все лютей напал на обезумевший враг. Когда же иссякли их силы до дна, Как ночи предутренняя глубина, Напрягся герой, ливный рык испустил, Убийцу поднял и на землю свалил. И после, ему не давая вздохнуть, Как сокол усеял на злобную грудь. На зов уж товарищи мчались к нему И ружья связали злодею тому. Тут время заре подороло зазвезд, И вражье лицо каждый мог разглядеть. Увидели волка породы лютской, Тот волк назывался Султаном-Ходжой. Врага перед всеми открылся позор, Глубокою ночью он крался как вор, Распулат на рассвет преступления шит,

Он хлопок колхозный пришел погубить, Пришел, как басмач, посягнуть он сюда На обшес входы святого труда.

2. Советский закон не боится преступить, Арифа — героя хотел он убить, Он, что многие годы трудом жил чужим И губил бедняков одного за другим. Лишь его увидели герои труда, Касым именитый и Улуг-зола. Урун, Ханифа и Ходжа-Мухамад, Отважный Шукур и могучий Пулад, Сказали они: — Это лютый наш враг, Он старые дни не забудет никак. В былые года с беднотой трудовой Чего он ни делал, шкал этот злой! Иль не помнит Баба и Халик и Нияз, Как он палками длинными бил их не раз? Ил забавил батрацкие руки, как он Их труд пожирал, ненасытный дракон? Иль память мы вырвем из наших сердец, Что волком он был, а мы стадом овец? Или нам не знаком Шо-Рахим Аксакал,

Что Баба-Калона?) избил и прогнал? Старинную дружбу с ним этот ведет, Заключая он враг коммунистам, как тот. О радости! Теперь час расплаты настал, Попаля нас в сети свирепый шакал. Слысясь, могучий и смелый Ариф, Кем в плен залучен кровожаждущий дия.

3. Теперь мы злодею суду предадим. Пусть носится прах его, ветром гоним! — При этих речах солнце факел зажгло И зная багряное вьюсь вознесло. Казалось, пришло оно мир осветить, Чтоб эту победу ему возвестить. Ты скажешь, на небе не солнечный шар, Празноудия ярского встал комиссар. Советским судом стало небо тогда И солнце вошло на трибуну суда.

Перевод с фарси Бану.

1) Баба-Калон Джура, мастер хлопкового орудия, знаменитый человек республики, в прошлом батрак.

МАЯКОВСКИЙ БЫЛ И ОСТАЕТСЯ ЛУЧШИМ, ТАЛАНТЛИВЫМ ПОЭТОМ НАШЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ. БЕЗРАЗЛИЧИЕ К ЕГО ПАМЯТИ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ—ПРЕСТУПЛЕНИЕ. И. Сталин

ЗНАМЯ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Н. П Л И С К О

Интерес широких читательских масс к творчеству Владимира Маяковского неизмеримо велик. То обличительно-страстный, то парфосно вдохновенный голос великого певца революции, воплощенный в нестарых и неумирающих строках его стихов, все чаще и чаще раздается на астралях рабочих клубов, в красных уголках красноармейских казарм, в полевых станах колхозных бригад.

Рабочим, колхозникам, стахановцам и сталаникам хочется повторять вслед за поэтом гордые слова о гражданине Советского союза, дышать радостью и свободной волею нашей родины, «очищенным грозой двух революций». Эти мысли и чувства мастерски, поэтически превосходно и политически правильно выражал поэт.

Но книги Маяковского еще не дошли до широкого читателя. Слишком ничтожно количество книг Маяковского, изданных нашими издательствами. Сила инерции, традиционной отсталости на прошлое, «осторожный» подход к поэту со стороны издательских головотопов и бюрократов оказались в этой «серьезности». Ошибки надо уметь признавать и поправлять. Нужно немедленно принять все меры, чтобы удовлетворить спрос на произведения Маяковского, нужно сделать стихи Маяковского, «лучшего, талантливого поэта нашей советской эпохи», могучим и грозным боевым оружием в руках нашей партии, в руках пролетариата.

В одном из своих стихотворений Маяковский мечтал законно, по праву лучшего поэта советской эпохи, о том, как его «Левый марш» будет читаться на языках национальностей СССР. Пока что эта мечта поэта не реализована. Лучшие стихи Маяковского не переведены на языки национальностей, населяющих СССР. Что сделали в этом направлении товарищи с Украины, поэтические достоинства которых столь высоки? Неужели украинские поэты, которых Маяковский столь близок стремю поэтического мышления, не смогли довести до читателя Грузии слова великого поэта Маяковского? Знают ли Маяковского белорусам, армяне, таджикам? Мы знаем, в виду народных масс. Лучший поэт социалистической революции должен быть известен населению социалистических стран.

Мы знаем, что переводить Маяковского трудно. Кампания, переведенная к календарной дате, мало поможет делу пропаганды великого поэта нашей революции. Нужна углубленная творческая работа поэтов братских республик, чтобы великая страсть «незамыленного вечною мертвецкой, обожавшего вечною жизнью» зазвучала на языках народов, населяющих необятные просторы советской родины.

Стихи Маяковского столь актуальны и значительны еще и потому, что он — лучший поэт оборонной темы. Этот шилл стихов с влюбленными невестами проповедями старика не старится и не седеет.

В недрах капиталистического мира существует раскаленная лава войны. Она может вырваться наружу, и мир снова будет повернут в ужасы истребительной бойни. Война может переключиться на священном грандиозном социалистическом отечестве. И тогда военные и публицистические стихи Маяковского станут в первую очередь и поведут за собой на штурм бойнов республик советских. Эта ода стихов Маяковского должна стать провозглашением советской поэзии.

Маяковский, шедший к пролетарской, социалистической литературе от бунтарско-богемного мелкобуржуазного протеста против капиталистического мира, мужественно преодолевал свои ошибки, срывы и заблуждения. Он шел к массам, прислушивался к их языку, преодолевал футуристскую затрудненность языкового строя своих стихов. Он упорно искал путей к социалистическому реализму. Уже в 1925 г. в стихотворении «Верный и Сеанс» он пытался осмыслить эти стремления.

Я жизнь отдаю за сегодня рад.

Кажая это громада. Вы чуете слово пролетариат — сму грандиозное надо. У нас поэт события берет — опишет вчерашний гуд, а надо рваться в завтра, вперед, чтоб брочки трещали в шару.

Маяковский требовал от поэта глубочайшей веры в то дело, которому он служил. Он настаивал на большевистской принципиальности, на ленинско-сталинской идейности. Только непроходимые пошлаки, всякая околотворительная мразь и лезвие может говорить о Маяковском, как о поэте, который с одинаковым упорством выполнял различные тематические задания, не будучи заинтересованным в существовании дела.

Ты врешь — обращался Маяковский к человеку, который рассматривал поэта как машину, откликающуюся на каждый политический звонок:

Еще не найден бензин, что движет сердце пусками. Идея нельзя замешать на воде — в воде отсыреет идеяка.

Поэт никогда и не жил без людей. Что я — полагай? индейка?

Почему же у Маяковского так легко, на любую, казалось, тему, выходящую прекрасные стихи? Потому, что — как мне об этом уже не раз приходилось писать — Маяковский — хотя это и звучит парадоксально — поэт одной темы. И эта тема — социализм. Он подбирался вступая к ней в «Войне и мире», в «Человеке», в «Облаке в литах», он пронес ее через «Мистерию буфф» и «150.000.000» к «Ленину» и «Хорошо», и с каждым разом его понимание социализма приближалось к нашему пониманию. В каждом, даже самом маленьком стихотворении, неожиданно возникала тема социализма. Поэзия, какой советский размах поэтической целеустремленности. Творчество Маяковского — трибуна поэтической мысли — еще жде своего исследователя.

«Безразличие к его (Маяковского — И. П.) памяти и его произведениям — преступление», — заявил товарищ Сталин. Газета эти слова возмущает не относится к критическому фронту? Как ничтожно мало сделала критика в исследовании, пропаганде, популяризации классика советской поэзии Маяковского. Сейчас, однако, критический фронт следует прелотерять от одной слишком явной опасности. Известно, что при жизни Маяковского в среде критиков было много людей, склонных отрицать значение Маяковского как поэта. После его смерти эти люди переменили курс и начали в меру своих сил и способностей похваливать Маяковского. Нужно ударить по рукам всех тех, кто сегодня неискренно и аллюдиуски будет восхвалять поэта, дух которого органически чужд и непопулярен. Маяковский при жизни, пожалуй, больше всего боялся, канонизации его поэтического строя.

Он говорил о курьезке, которая будет млет над его стихами, прежде чем лечь спать. От опек этих критиков-аллюдиусиков и «мелюзки» курьезки надо избавить большую поэзию нашего умершего поэта. Не делать этого — совершать еще одно преступление перед памятью Владимира Маяковского.

Товарищи критики, товарищи поэты и писатели, возьмемся за подлинное марксистско-ленинско-сталинское исследование творчества Маяковского, за популяризацию его стихов — великих свидетелей социалистических дней.

Он говорил о курьезке, которая будет млет над его стихами, прежде чем лечь спать. От опек этих критиков-аллюдиусиков и «мелюзки» курьезки надо избавить большую поэзию нашего умершего поэта. Не делать этого — совершать еще одно преступление перед памятью Владимира Маяковского.

Товарищи критики, товарищи поэты и писатели, возьмемся за подлинное марксистско-ленинско-сталинское исследование творчества Маяковского, за популяризацию его стихов — великих свидетелей социалистических дней.

Он говорил о курьезке, которая будет млет над его стихами, прежде чем лечь спать. От опек этих критиков-аллюдиусиков и «мелюзки» курьезки надо избавить большую поэзию нашего умершего поэта. Не делать этого — совершать еще одно преступление перед памятью Владимира Маяковского.

Он говорил о курьезке, которая будет млет над его стихами, прежде чем лечь спать. От опек этих критиков-аллюдиусиков и «мелюзки» курьезки надо избавить большую поэзию нашего умершего поэта. Не делать этого — совершать еще одно преступление перед памятью Владимира Маяковского.

Он говорил о курьезке, которая будет млет над его стихами, прежде чем лечь спать. От опек этих критиков-аллюдиусиков и «мелюзки» курьезки надо избавить большую поэзию нашего умершего поэта. Не делать этого — совершать еще одно преступление перед памятью Владимира Маяковского.

Он говорил о курьезке, которая будет млет над его стихами, прежде чем лечь спать. От опек этих критиков-аллюдиусиков и «мелюзки» курьезки надо избавить большую поэзию нашего умершего поэта. Не делать этого — совершать еще одно преступление перед памятью Владимира Маяковского.

Он говорил о курьезке, которая будет млет над его стихами, прежде чем лечь спать. От опек этих критиков-аллюдиусиков и «мелюзки» курьезки надо избавить большую поэзию нашего умершего поэта. Не делать этого — совершать еще одно преступление перед памятью Владимира Маяковского.

Владимир Маяковский на выставке своих работ в клубе ФОСП в Москве (1930 г.).

НЕИЗВЕСТНЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «150.000.000»

Поэты вередерчивы, бундонадт бундонады, про замена пишут, про сталь, а этого вовсе ничего не надо. Революция проста. Это не героям стих умиленный — в бою бьются миллионы, идут миллионы, миллионы поют. Поем, простотой возвелчась, и фельдмаршалей из фельдмаршалов Фох и самое величественное из величеств из поля зрения уползает, как вошь. Это ерунда, когда, в пушки таратора, лезет на царя остервенелый царь. Этой войны бескрайняя территория — все земли, все моря, все сердца. Люди надевали разноформенные брочки, дрались шлы, назывались враги, а у каждого одинаковые ноги и руки и тоска одинакова пудовостью гирь. Но разве слезой опоганит глаз злобу, бросающую класс на класс. Злобу буржуметь не то, что капитал иметь, золотые транжиря —

это у молодых на горле мертвецов пята, это рот, зажатый комьями жира. Быть пролетарием это не значит быть чуждым, тем, кто заводит вертлет, быть пролетарием — грядущее любить, грядущее подвалов азоровашее, вереть. Собрав попов непомерное количество, божьих матерей повывтаскал из карет, старалось сразить христианство и католичество о передеке храмов на цирки декрет. Но недвижимый в Остоженку врос, стоймя стал и стоит Наркомпрос. Справедливостью за зятью ять к стенке вывисти, расстрелять. За футуристами гонится памятник бронзовая конница. Тула бросилась девятисотая армия художественного труда. И увидели в затишье, в секунду антракта по обломкам памятников громыхающий трактор.

КАК СОЗДАВАЛСЯ «КЛОП»

Он был монтером Ваней, но... в духе парижан себе присвоил звание: «электротехник Жан». В другом стихотворении — «Письмо к любимой Молчаева, брошенной им», написанном в том же году в «Комсомольской правде», две строфы, называвшиеся словами: «Шел я верхом, шел я низом, строил мост в социализм», целиком вошли в текст «Клопа» и т. п.

Но и эти и им подобные мотивы перешли в комедию большей частью не непосредственно. Сначала они трансформировались в киносценарии Маяковского «Позабудь про камин». В этом сценарии (пять частей, пролог и эпилог) уже есть все основные элементы «Клопа». Здесь те же темы и фабула, что и в «Клопе», общие персонажи, места действия, сюжетные положения и ирреальные моменты; многие названия «Позабудь про камин» перешли в «Клоп» в виде реплик. В сценарии есть эпизоды: университет, свадьбы, закончившиеся пожаром, голодания врачи, полки клопа, Зюсала. Один эпизод перенесен из сценария в пьесу приблизительно в одинаковом объеме, другие изменены, сокращены или развиты.

В сценарии нет ни одного имени: так, Присыпкина именуется в нем «грабоним», Зоя Березкина — «комсомольской». В нем есть отсутствующая в «Клопе» эпизоды, происходящие на заводе, где работают эти два персонажа, целая часть, посвященная пропаганде пятилетки (противопоставления «было» — «будет»), сцены, показывающие отдельные моменты жизни в мире будущего. Фигура Баяна и все персонажи обобщенно появляются в пьесе впервые; события второй половины сценария отложены от событий первой половины на 50-ю годовщину, как в пьесе, а только 15-я. Фильм «Позабудь про камин» не был осуществлен, и сценарий был переработан Маяковским в феерическую комедию «Клоп». Маяковский читал пьесу 26 декабря 1928 г. Мейерхольду и группе писателей, 26 декабря — группе гос. теат-

ра им. Вс. Мейерхольда, 30 декабря — на расширенном заседании художественно-политического совета театра. Везде пьеса имела очень большой успех. Художественно-политический совет принял следующую резолюцию: «Художественно-политический совет гос. театра им. Вс. Мейерхольда, заслушав на своем расширенном заседании пьесу Владимира Маяковского «Клоп», признает ее важнейшим явлением советской драматургии с точки зрения как идеологической, так и художественной и приветствует включение ее в репертуар гос. театра им. Вс. Мейерхольда».

По предложению одного из участников заседания, в резолюции было внесено дополнение: приветствовать также автора пьесы. После заседания группа его участников собралась на частное совещание для детального обсуждения пьесы. На этом совещании Маяковский выступал дважды. Он говорил: «Я меньше всего надеюсь, что после того, как я напишу пьесу, отпадет нужда в драматической литературе. Пьесу надо брать в «сравнительной эволюции» наших театров. Главный плюс ее: это пьеса обобщающая, но оптимистическая обобщающая пьеса. Что касается частностей, то и боясь, что пьеса всем понравится и придется решить, что написал гадость. Но вот Гроссман Рошин сказал, что пьеса гадость, тупая, глупая. Я против восторженного начала, против замены борьбы сокращениями литературным разговором. После своей работы в «Комсомольской правде» я должен сказать: несмотря на то, что это бесконечно, я не привык к беспартийному разговору. Пока слово есть, я ее в художественном произведении не амнистирую. В пьесе — факты обывательской мразии и века и сегодняшнего дня. Если будет пятьдесят таких пьес, надо отнять пятьдесят театров под такие пьесы. Против строящих обобщала нет, но если обобщается, значит, в них полагается «Клоп» в известной степени — антиобщинная агитка. Что мешанью «клоп» в коллективе, я не мог показать, это отдельная тема, а это только отмычка. Пьесу я выношу на обсуждение комсомольской аудитории. И до постановки включу в нее ряд вещей».

Маяковский отвечал одному из ораторов, пытавшемуся приложить к фигуре изобретателя чеховское определение: «ружье, которое не стреляет». Термин на последней картинке «Клопа».

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХИ МАЯКОВСКОГО

Мы помещаем предоставленный в наше распоряжение т. Б. Ф. Малкин-ым стихотворный адрес, написанный В. Маяковским и протретный им в 1921 году во время проводов т. Малкина (б. зав. Центропечатью) на Урал.

Адрес для писем: Борису Федоровичу Малкину (Лубянский проезд №3, кв. 12)

Когда, убоясь футуристической рыси, В колеса вставляй палки нам, — Мы взмалывались «Спаси нас, отец Борис!» И враги рсточались перед бешеным Малкиным.

Я человек не очень юркий, Но чорт разберет ее, Волю создателя. Словом, Приниме меня в Екатеринбург, Ежели сбешать придется от Сумасшедшего Госиздателя.

Целую. Привет Уралу! Любящий Маяковский 17/VIII—21 г.

ИЗ БЛОКНОТА МАЯКОВСКОГО

Портсигар в траву ушел на треть и как крышка блестит наклонился смотреть муравьишки восторские и травяшка. Обладело дивнись! выкрутас монограмми. Дивнись стянушему серебром подиорованным. Не стонившие со своими морями и горами перед делом человеческим ничего ровню. Было в диквинку. Слепело зрение им, ничего не видевшим этого рода А портсигар блестел в окружающее с презрением Эх, ты, мол, природа.

Маяковский не принадлежал к числу поэтов, бережно хранящих свои рукописи. От первого пятилетия его поэтической работы (1912—1917 гг.) случайно уцелели только два беловых автографа стихотворений 1914 г.: «Скрипка и немножко нервно» и «Мама и убитый немцами вечер», одно лирическое стихотворение (1916 г.), посвященное Л. Ю. Брик, и несколько отрывков черновой редакции поэмы «Человек» (в записной книжке 1917 г.), Л. Ю. и О. М. Брик сумели сохранить значительное количество рукописей, относящихся ко второму периоду работы поэта (1917—1930). Большинство из них — черновики или беловые автографы его известных вещей, напечатанных в прижизненном собрании сочинений или в периодике.

Тем большую ценность представлял собой единственный образец текстов стихотворений, оставшихся незапечатанными. Пользуясь любезным разрешением Л. Ю. и О. М. Брик, я воспроизвожу здесь одно из таких неопубликованных стихотворений, сохранившееся в карманном блокноте 1920 г. На двадцати пяти листках этого крошечного блокнота помещались неожиданно большое количество различных текстов. Здесь мы видим и черновики отрывков по поэме «150.000.000», и первоначальную редакцию стихотворения «Необычайное приключение бывшего в Владимиром Маяковским летом на даче», и черновики стихотворений «III Интернационал», «Отношение к барышне», «Гейнеобразное» и ряд строф из стихотворений, оставшихся незавершенными и, наконец, публицистическое маленькое стихотворение.

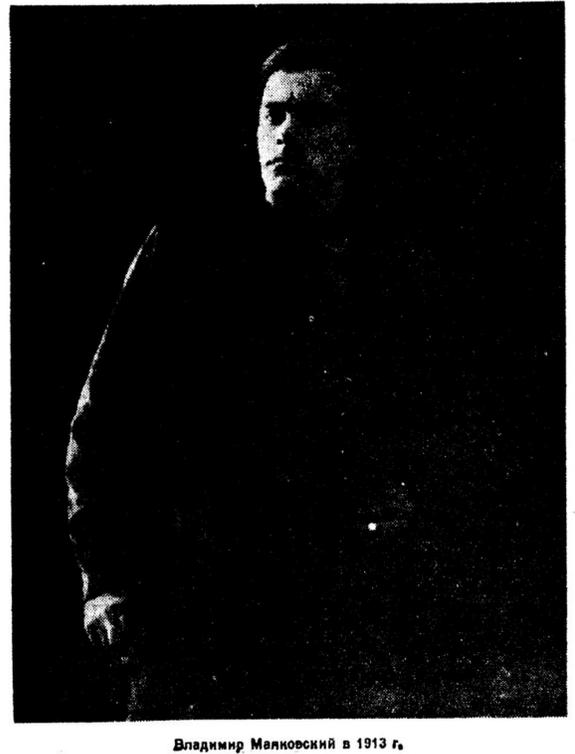
Сюжет этого стихотворения совершенно необычен для поэтического произведения, но, как темы большинства вещей Маяковского, тесно связан с фактами его биографии. О. М. Брик однажды очень точно заметил, что в сущности все вещи Маяковского относятся к жанру «Gelegenheitsgedichte» (стихотворения «на случаи»). Строго свои поэтические образы, Маяковский всегда отталкивался от какого-нибудь факта повседневной действительности и наряду с событиями политической и общественной жизни вводил в стихи мелкие «документальные» детали своей биографии. Героем этого маленького стихотворения неожиданно оказался портсигар, подаренный Маяковскому в первые годы революции.

В стихах портсигар пригласил Маяковскому, чтобы на такой частной, случайной теме еще раз подчеркнуть идею, проходящую во всей его поэтической работе: противопоставление дела человеческого гук косной природы.

Воспроизвольное здесь стихотворение написано карандашом на трех листках блокнота (20—22) с очень небольшими, на характерными поправками. Перед текстом находится три зачеркнутых слова: (поляна), (сед), (закурив).

Стихотворение, повидному, не вполне отлажено: первая строфа текста выглядит незавершенной, так как несосто, о чем должно riformоваться строка 7 (мечет дыла, с началом предыдущей?). Но даже в такой «неокончателной» редакции это стихотворение по своим художественным достоинствам и по характерности для стиля Маяковского, по ясности не только опубликования, но и включения в полное собрание сочинения. В. ТРЕНИН

говорили о недостаточном вскрытии социальной сущности мещанства; некоторые рабочие указывали, что многие вещи Маяковского непонятны, и удивлялись в том, что он не выдвигает «Клопа» положительных типов. На этом собрании выступали пожилые рабочие; вероятно, эти и объясняют иная оценка работы Маяковского, нежели на собраниях в районном доме ВЛКСМ. Маяковский говорил: «Мы живем от кампании к кампании. Все явления подводим к тому, какая кампания проводится. Такую пометку совершают те, кто требует, чтобы я вывел мещанина иного типа. У меня в пьесе: человек, о треском отрывающийся от класса во имя личного благополучия. Это образ политического зама, не хочу ставить проблему без расчета уничтожить ее корни. Дело не в пьесе, а в отрыве от класса. На бытовом мещанстве вытекает политическое мещанство. То что мне предлагают внести в пьесу, — не мещанство, а контрреволюция, это уже непосредственная классовая борьба. На эту тему надо писать пятьдесят тысяч пьес. И я тоже напишу на эту тему. Если рабочие говорят, что я мало подошел к ним, — буду еще подходить. Но надо, чтобы и вы подошли. Когда говорят о том, что в «Клопе» нет положительных типов, мне вспоминается «Театральный развал» Гоголя. Критика похвала. В «Ревизоре» тоже нет ни одного положительного типа. Комедия — не универсальный клей-порошок, клеит и Вену и ночной горшок». Комедия написана действительностью и т. п.). Вс. Мейерхольд говорил: «Проникновение Маяковского для нас ценно главным образом тем, что она ставит очень остро самую насущнейшую проблему, ни на шаг не отступая от необходимых формальных задач, стоящих перед театром... Главное неустройство: бичевать пороки сегодняшнего дня... Маяковский разставляет задуматься над многим, что казалось решенным. Важно, чтобы вы помогли нам утвердить эту пьесу как новое явление в области культуры. Надо ряд мест акцентировать волею зрительного зала».

Владимир Маяковский в 1913 г.

С АБСОЛЮТНОЙ ПРЯМОТОЙ

А. АДАЛИС

2.

Итак, на сегодняшний день выработка цели реформированных вопросов, обуславливающих ее исключительное отставание. Выступают как из ряда разнородных статей и высказываний, сведенные вместе и растоптанные на нем. Отсутствие творческой среды, творческой дружбы, ремесленничества, бездуховной атмосферы конкуренции, подменяющей соревнование, потребительское отношение к жизни, тонус жизни идуций вразреде с великим и основным законом социалистической системы — законом трудовой справедливости, когда каждый человек имеет свое рабочее место и работает в полную меру своих способностей и получает в меру позымы, которую он приносит. Сильно падают работники литературы не оправдываясь своим творчеством — скажем очень кратко — затрачиваемых на эти средства; но бывает и так, что работоспособные люди лишаются трудоспособности в обстановке материальных нужд и моральной заброшенности. Впрочем, может быть, материальные вопросы литературы — всякая материя, о которой не стоит дискутировать? Нет, в стране, где нет экспансии и где труд ставит делом, деньги перестают быть грязью. Материальная обеспеченность обуславливается у нас не хитростью и гнусностью, а творческой честностью человека. (Это — примечание, но оно страшно от возможной дискуссии, ведь которой будет увести от существа дела).

А теперь послушайте, как пустообразие-экономия и с какой фальшивой задротностью звучат эти суммированные «хроковые вопросы». Почему же они так нехорошо звучат, если они справедливы? Справедливые их очертания. Не потому ли они так звучат, что все это — вопросы из области высокой морали, не чуждые корней в почве наших производственных отношений? И до тех пор, пока они не будут конкретизированы, разворочены от отставания, атмосфера в среде останется пустыми равнодушием и воплями к творческой совести. На сегодняшний день у нас лишь один вопрос, поставленный, наконец, конкретно: ранняя профессионализация молодых и отрыв от живой жизни. Значит, на этом участке можно будет начинать работать, изменять положение, направлять рост кадров. Попробуем же конкретизировать еще кое-что из области приведенных выше понятий. Что такое, например, «творческая среда», которая должна стимулировать огромный качественный рост социалистической литературы? А рост не может не быть огромным именно потому, что мы вырастим «литературу, освобожденную от карьеризма».

Где и как происходит реализация творческой продукции писателя? Это не менее важно, чем важно для охотника формы правления и оценки пушинки и все что нарастает и нарастает, является вокруг приемки и оценки, чем (в более высокой фазе развития) для хлопоты условия сдачи и сортировки хлопка плюс формы технической помощи, — вся эта реализованная система вооружения между трудящимся и государством трудящихся. А если писатель — по крылатому выражению — не артельный, «единичник письменного стола», — тем сложнее вопросы правильного и честного устройства тех специальных посреднических предприятий, без которых бессмысленно его творчество. И сложность эта усугубляется тем, что механистическое понятие «единичник письменного стола» непозволительно верно лишь внешне, так как писатель все же неотъемлемо включен в коллектив, работающий формально разработано, но, по существу, планоно.

Только с такой точки зрения можно достаточно оценить роль литературного издательства в условиях нашего времени. Издательство в его творческой части — редакция — есть то звено, за которое необходимо хвататься для того, чтобы двинуть

вашу литературу далеко вперед. В редакции — основа творческой производственной среды; в болевших редакционной работы — зачатки кривизны роста кадров. Вот что должен учесть редактор писателя, вот по какой линии он должен был давно направить свою работу.

Издательство в советских условиях воспитывает потребности, воспитывает его художественный вкус, развивает социальное сознание; вместе с этим издательство должно потребовать удовлетворить, учитывать его социальные и творческие способности. Можно ли выработать в нем такую потребность, не будучи с ним в теснейшей связи? Нельзя, конечно. И тот, кто издательство художественной литературы то илет оупуно, то, по капиталистическим традициям, работает «на рынок», на спрос «читателя», но безадекватно диктует читателю писательские репутации, — если можно так выразиться, «администрирует вкусы».

Планоной, организованной, тесной связи с живым читателем нет. Есть случайные вылазки так называемых «массовых отделов» издательства. Обычная картина такой вылазки — небольшая читка и обмен мнениями, который часто оставляет писателя недовольным. Впечатление от читки вторично не возвращается, до спора, до упорной защиты писательских или читательских позиций обмен мнениями не доходит. Систематический обмен, отзовом о каждой отдельной работе, массовые отделы не организуют, и зачастую с отчаянием всерьез не считают, хотя бы в плане историко-художественном, на какой-либо товарищеской встрече.

Конкретного писателя по конкретному поводу издательство не спрашивает с жизнью — с учеными, с крупными производственными работниками, о которых он написал. Созвездия статей, написанных с ними «обобщающего» писателя по параллельному поводу, но «производственные результаты» таких встреч неутешительны. У «массовых отделов» издательства нет обычной посылать новые выпущенные книги на отзыв интереснейшим людям страны, а какой это был бы подотчетный обычай!

Нет переписки, нет учета результатов.

Связь с библиотеками никак не может заменить обмена мнениями, реального представительства, встреч и писем. У союза писателей больше опыта во всем этом, нежели у издательства. Но как вылезает на работу издательство от этого? Никак. Вместо уюно, культурного контакта — деловая бюро выступлений.

Теперь возьмем судьбу писателя в издательстве. Ее решает редколлегия. Что это значит реально? Одна или два редактора. Работа редколлегии проходит за закрытыми дверями. Иногда даже имя редактора, подписавшего тот или иной отзыв, остается втайне: его хранят от назойливого поэта редакционные секретариши. Это, конечно, не очень частое извращение, но оно прекрасно иллюстрирует общий тон взаимоотношений. Безответственная вкусовщина получает здесь самую благодарную почву. Трагедия в том, что при огромной нагрузке редакций плохими, мизотропными рукописями нельзя требовать от редакционных секретариш или главной секретариши или главного редактора в судью каждой рукописи. Но самые худшие объекты должны быть сортированы до перехода в редколлегию литконсультантам — это уже введено. Автор книги, попавший после такой сортировки на редколлегию, очень часто имеет полное моральное право апеллировать против мнения того или иного редактора. Апеллировать то и некуда. Пишут Алексею Максимовичу, пишут руководителю партии. Неужто нельзя союз писателей иметь нечто вроде качественной комиссии, инстанции по качеству? Давно пора. Для новых кадров это просто необходимо. Наши издательства далеки от непогрешимости, и вряд ли возможна непогрешимость в области, где нет вещественных качественных норм.

Подобьем к явлению с другой стороны. При каждом издательстве есть

деленная литконсультанта, и его полнотное лицо, и собственный его творческий авторитет надолго накладывает печать на работу начинающего.

Руководящие редакторы издательства и союз писателей зачастую не знают творческих установок своих литконсультантов, не учиняют им никаких экзаменов, не печатают и не знают произведений этих молодых редакторов. Достаточно случается собой вакантное место. Это бы еще победило если бы работу италительской литконсультанта направлял тот или писатель с подлинным авторитетом, и на его опыте учились бы еще «зеленые литконсультанты». Но силком за рилом здесь хваляничать далеко не лучше, чем молчать; на помощь к ним вытаскивают давно не работающие творческие люди сомнительной квалификации и условой культуры. А сделать можно было бы много хорошего. Например, выдвигать обязательный и постоянный контакт между определенными редакторами и консультантами — логический шаг литературной учебы, установить отчетные консультации по работе с наиболее интересными начинающими, повышать качество молодых редакционных кадров в процессе деятельности, если даже худших из них пока невозможно заменить.

И по вопросу о литконсультантах, так же как по всем прочим вопросам редакционной работы, мы, конечно, упираться в проблему недостатка кадров. Еще сильнее в памяти да тревожно и остро во всей советской промышленности. Эпоха победает и перестает быть наибольшей трудностью полностью обновленным решением вопроса — расстыть кадры в самом процессе их работы, в процессе освоения всех встречных трудностей. То же и в данной области. Имеющийся человеческий материал может работать иначе и лучше, чем сегодня. Нужно изобрести рабочие способы быть продуктивной, культурные профессиональные методы, первые верной хваткой за сущность дела.

А на очереди еще крупный разворот о культурности литературных кадров.

В десятой книжке «Октября» закончилась печатанием два романа — «Гулящие люди» А. Чапыгина и «Родина» И. Шухова. Во второй книге романа «Гулящие люди» на фоне распри пагуба и Никомом, на фоне нестрой и запутанной феодальной государственности, на фоне варварского средневекового быта развращает Чапыгина сны знаменитого «мелкого бунта».

Будет этот, как и московский митинг 1645 г., был специфически городским движением Участника его — «чернь», плече, нестрада среда низших слоев феодального города. Чапыгина выделяет из этой среды двух лиц, двух героев, и делает их влеховителными бунта, его организаторами и вожаками Илья этих двух образов, как и идея всей этих, это идея преемственности революционного движения в народе.

Мысль эту А. Чапыгина не удалось, однако, провести с полной художественной убедительностью. И наиболее уязвимыми, с этой точки зрения, оказываются образы двух главных героев, вожаков, или, как сказано у Чапыгина, «защитников бунта» «гулящих человек» Иван Каменев, он же Таисий, и сподвижник его в учении, стрелецкий сын Сеняка, представляющий в романе чуть ли не как сознательные революционеры. Таисий поговаривает бунт, как заправский организатор. Он понимает ограниченность и стилистичность движения, проноинсит во время бунта на площади речь о развращенной программе антифеодалной революции. На реплику «Сенька»: «А все же царя не должно быть», он отвечает: «В будущем да, но не теперь». После похваления бунта Сеняка кричит: «Государева милость! Парская воля! А ну, сесть головы, руки, ноги — народ все же победит».

Столь высокая сознательность обоих героев не вяжется с той реальной обстановкой, в которой они действуют и которую Чапыгина изображает весьма ярко и художественно правдиво. И если не все убедительно в изображении подготавли бунта и в образах обоих героев, то самый бунт, его ритм, его нарастание, все массовые сцены на площади, приезд царского полка, князя Хованского, газгвор с ним бунтовщиков — все это написано отлично.

Что касается общей картины эпохи, той широкой большой исторической связи, которая должна объединять отдельные факты и эпизоды, то здесь нет достаточной полноты. Чапыгина не дает ясного и достаточно всестороннего изображения всей внутренней механики эпохи, и подлым светом освещены у него лишь отдельные моменты, части картины. Но в чем А. Чапыгина сила неизменно, это в передаче колорита, языка, стиля, быта эпохи. Отлично передан быт Москвы XVII в., дикие ее нравы, ее пейзажи, весь уклад городской жизни поздне-русского средневековья. В отношении языка А. Чапыгина полнокровен своей силой и периодом в 27,5 лет. В этих случаях не только речь персонажей, но и авторский текст слезан сплошь пол XVII в., без меры. Без отбора. Это затрунует тень и делает книгу не слишком доступной для массового читателя. А в то же время произведение это и по своим художественным достоинствам и в познавательном отношении заслуживает того, чтобы быть широко читателем рекомендованным.

Вторая большая вещь в номере — роман И. Шухова «Родина» — возвращает нас к истории совсем недавнего времени. Новый этот роман, как и предыдущая книга И. Шухова «Независимость», посвящен теме борьбы за социалистическое переустройство деревни.

В дикой степи, в глухом и отдаленном от индустриальных центров районе строятся крупные зерносовхозы.

Вокруг строительства идет жестокая классовая борьба. Шухов строит роман в двух планах: лагерь вражды, кулацкое и вредильское сопротивление, и ваш лагерь — бойцов и батраков. Рабочие совхоза и малочастично, рабочие совхоза и малочастично горсточка коммунистов, руководители совхоза. Вокруг двух центральных образов романа — председателя совхоза Азарова и кулака Боброва группировка ряд персонажей. Это некая галерея образов и лиц: молодежь и старика бывшие батраки и трактористы, деревенские мастера, кулаки-станцияники, переоселенцы и хуторяне. Многие из этих портретов сделаны талантливо, живо. Есть фигуры весьма колоритные, живые, выразительные, вынятые. Ли в этих портретах и в ряде отдельных эпизодов и сцен Шухов обнаруживает много наблюдательности, знания среды, быта и, что особенно приятно, много юмора. Хороши, хотя и несколько однообразны по живописным приемам, степные пейзажи, на фоне которых все время идет действие и которые, так же, как и у Шолохова (влияние Шолохова вообще заметно довольно сильно в этом романе), драматизированы, одушевлены, описывают человека в его мыслях, чувствах, во всех его делах.

Однако вещь в целом до настоящей художественности и до настоящего художественного реализма не поспевает. Неправильно было сказать без всяких оговорок, что она хуже «Независимости». Литературного таланта, в новом романе Шухов обнаруживает не меньше, чем в «Независимости», но в новом романе он не является влече: И дело не в том, что в новой вещи выит по сути тот же материал 1929—30 гг. — боевые годы социалистического наступления Голы Парская воля! А ну, сесть головы, руки, ноги — народ все же победит».

Столь высокая сознательность обоих героев не вяжется с той реальной обстановкой, в которой они действуют и которую Чапыгина изображает весьма ярко и художественно правдиво. И если не все убедительно в изображении подготавли бунта и в образах обоих героев, то самый бунт, его ритм, его нарастание, все массовые сцены на площади, приезд царского полка, князя Хованского, газгвор с ним бунтовщиков — все это написано отлично.

Что касается общей картины эпохи, той широкой большой исторической связи, которая должна объединять отдельные факты и эпизоды, то здесь нет достаточной полноты. Чапыгина не дает ясного и достаточно всестороннего изображения всей внутренней механики эпохи, и подлым светом освещены у него лишь отдельные моменты, части картины. Но в чем А. Чапыгина сила неизменно, это в передаче колорита, языка, стиля, быта эпохи. Отлично передан быт Москвы XVII в., дикие ее нравы, ее пейзажи, весь уклад городской жизни поздне-русского средневековья. В отношении языка А. Чапыгина полнокровен своей силой и периодом в 27,5 лет. В этих случаях не только речь персонажей, но и авторский текст слезан сплошь пол XVII в., без меры. Без отбора. Это затрунует тень и делает книгу не слишком доступной для массового читателя. А в то же время произведение это и по своим художественным достоинствам и в познавательном отношении заслуживает того, чтобы быть широко читателем рекомендованным.

Вторая большая вещь в номере — роман И. Шухова «Родина» — возвращает нас к истории совсем недавнего времени. Новый этот роман, как и предыдущая книга И. Шухова «Независимость», посвящен теме борьбы за социалистическое переустройство деревни.

В дикой степи, в глухом и отдаленном от индустриальных центров районе строятся крупные зерносовхозы.

В художественной литературе о деревне — в современной и в старой — была чудачеством мушкетера, Бобля, врага и непутового фантазера разработано достаточно подробно. В современной литературе эта фигура расшифровывается социальное, обоснается на условиях собственного исторического уклада старой деревни, и такой непутовый и часто оларейный человек нередко находит себе почетное место в применении в социалистическом хозяйстве. Этот образ, это последнее превращение традиционного литературного типа есть в «Родина» Шухова.

Облупокованные главы в романе А. Яковлева «Пути простого сердца» вызывают некоторое беспокойство относительно художественного качества этой вещи. Для окончательного суждения будем ждать олакого олакивалитой книжки журнала, где роман будет закончен.

Странный в десятой книжке лучше, чем в девятой во все еще не в должной высоте Два стихотворения Яковлева — «Планерист» и «Семь сестер» ничего нового к творчеству Яковлева не прибавляют. Это обычная оларейка, искренняя, но упрощенная средствами выразительности. Стихотворение В. Долматовского «Юноши» чрезвычайно малоинтересно Яковлева.

Критика десятого номера весьма скудна. Тут только две небольшие статьи: Е. Подольского о Барбесе и рецензия Н. Т. на книгу А. Исхака «Родство». Статья В. Кирпотия «Независимость» помещена в отделе «Литературное наследие», представляя собой, по нашему мнению, часть большой работы В. Кирпотия по поводу статьи в Кирпотия поставил, собственно, одну только задачу — дать отчетливую, вполне определенную социально-классовую характеристику поэзии Некрасова, в Кирпотия вскрывает несомненность тех двусмысленных оинок, которые до сих пор были распространены в некрологовой критике, и ложность исходного пункта этой критики, когда центром размышлений о Некрасове оказывался вопрос о колебаниях в языках, которые нужно как-то заглянуть, вымачивать, в нявиваемом виде обонти». Не обходя этих колебаний, В. Кирпотия убедительно показывает, что творчество оинок полновесно его творчества была достаточно неплохой». Особенно следует отметить тот раздел статьи, где разоблачаются утверждения насчет кулацкого характера поэзии Некрасова. Не случайно, что оинок на автором этой теории был тронист Горбачев, изобразивший Некрасова как бопка «за нормальное буржуазное развитие России».

Есть в десятой книжке «Октябрь» еще одна олакая, названная очень грубо «обобщением». Под этим промком называемся итисе, олакая, довольно скучный и совсем не журнальный материал. Это бесела представления оркестрата по поводу конгресса иранского искусства в министерство народного просвещения Ирана — обычное газетное интервью, вынимающее ровным счетом полторы страницы, включая олаку и фото, и речь Андерсеа Нексе на конгрессе защиты культуры. И о конгрессе иранского искусства и о парижском конгрессе можно было бы дать информацию более обстоятельно.

Е. ТРОЩЕНКО

В ЦК ВЛКСМ

7 декабря состоялось заседание бюро ЦК ВЛКСМ, на котором были заслушаны доклады директора Детиздата т. Цилина и директора издательства «Молодая гвардия» т. Полянского о планах этих издательств на 1956 г.

В обсуждении планов приняли участие писатели: Маршак, К. Чуковский, И. Эренбург, А. Караваев, В. Герасимов, Г. Серафимович, Н. Лисовский, Л. Кассиль, Н. Богданов, секретарь союза писателей т. Марченко, акад. Горбунов и др.

Материалы обсуждения будут опубликованы в ближайших номерах «Комсомольской правды».

Худ. Чернецов. Иллюстрация к «Юнк» Ю. Тынянова (Осенняя выставка графики и скульптуры в Москве).

„ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ“

А. БОЛОТНИКОВ

Для того чтобы лучше усвоить основное содержание науки, ближе узнать методы и приемы научного исследования, покойный А. А. Тимирязев, великий ученый-революционер и замечательнейший популяризатор науки, рекомендовал следующие средства. Во-первых, близкое знакомство с основными произведениями великих творцов и соиздателей науки. Во-вторых, изучение главнейших философских трудов тех мыслителей и ученых, которые специально занимались вопросами научного знания, как, например, Фр. Бэкон, В-третьих, изучение истории науки — как целостного процесса, так и истории отдельных наук. И, наконец, А. Тимирязев настойчиво рекомендовал изучение биографических великих ученых, особенно прикладывая руку также выдающихся ученых, а вместе с этим и вообще условий научного творчества.

Здесь я хотел бы лишь остановиться на последнем способе усвоения знаний: изучении биографии ученых.

Биографии замечательных людей являются как бы начальным средством, побуждающим читателя к дальнейшему, более углубленному изучению той или иной области знания. В этом смысле и заключается образовательная ценность серии «Жизнь замечательных людей».

Для основных условий должны соблюдаться при написании научно-популярной книжки. Первое — это соблюдение требований научности, строгое проведение воедино изложения в логическом строе данной науки, искусства, технической отрасли. При этом, естественно, весь или почти весь специальный аппарат, а также значительная часть терминологии при популярном изложении опускаются. Популяризатор должен свободно пользоваться средствами наглядности и быть опытным педагогом.

Не меньшую роль в деле популяризации играет второе условие, состоящее в литературной обработке материала, а именно редактирование

читателя, вызвать у него через художественный образ любовь к абстрактным понятиям, отвлеченным схемам, законам и т. п.

Оба указанных условия очень редко встречаются вместе — вот почему так редки удачные популяризаторы.

По этим причинам серия «Жизнь замечательных людей», издаваемая Жгучагиздательством и серия «Знамя материализма» («Знамя материализма», «Знамя материализма» химия и т. д.), издаваемая в последнее время «Молодой гвардией», приобретают особое значение и интерес. Остаются сперва на серии биографий замечательных людей и возьмем две типичные работы, выпущенные в 1935 г. А. Дживелегова «Леонардо да Винчи» и З. Цейтлина «Галилей».

Дживелегов ограничил свою работу, оосредоточив, как он сам пишет, свое внимание на трех моментах: «Во-первых, на выяснении связей Леонардо с эпохой и средой; это первый опыт истолкования жизни и деятельности Леонардо на марксистской основе. Во-вторых, на обстоятельном освещении той области его деятельности, которая связана с техникой и изобретательством, ибо она должна быть всею заинтересовать читателя-рабочего, не даром ведь у нас на заводах рабочих-изобретателей зовут «Леонардами»; чрезвычайно характерное предложение фигуры да Винчи в сознании трудящихся масс. И, в-третьих, на раскрытии вклада Леонардо в эволюцию живописи».

Не трудно показать, что выразиле автором стороны жизни великого художника и ученого выити неудачно, и не более удачно каждая из них выполнена. Автор опротивично выдал всека, значительную часть которых он не был в состоянии оплатить читателю. Книжка, как сказано, рассчитана на рабочего читателя; она написана на марксистской основе и уделяет основное внимание технике и изобретательству. Как же вышло-

ны оба эти обещания? Показав родословную Леонардо (побочный сын нотариуса от мамочетной связи с крестьянской девушкой-портняжкой), автор пространно изображает эпоху насыщая страну фактами историко-экономическими фактами, политическими событиями, бесконечным количеством имен, терминов и т. п. Это «эпохообразное» понимание марксизма дополняется еще тем, что автор выносит марксизм за скобки, считая своей задачей в качестве одного на моментов своего исследования проведение марксистской основы в жизнеисписании Леонардо да Винчи, при чем все марксизм сводится к высказанию «связан Леонардо с эпохой и средой», автор затем, как бы спеша отделиться от этой основы, переходит к другим моментам. Но марксистская основа должна пронизывать всякое научное исследование сверху донизу, касается ли это исследования технических изобретений или эволюции живописи.

Между прочим, одной из сторон марксистской основы является соответствие стилистике содержанию, которое автор вкладывает в книгу.

Что же мы видим? Стилистически книга сделана прекрасно, и эрудиция у автора исключительная, но он, к сожалению, очень скоро забыл своею читателя-рабочего Иллюстрируем это положение одним лишь местом из главы: «Два больших направления в искусстве Леонардо: одно, опирающееся на великих вилетиков древности, Цицерона и Сенеку, строило индивидуалистическую философию, в главному словосочетанию стоицизм образным, другое — апукугерско-гелло, прославлявшее наслаждение. Теперь в центре внимания был платонизм, и Флоренция стала столицей нового увлечения... Платон Флорентийский академик не был подлинным Платоном, как Аристотель схоластиком не был подлинным Аристотелем. Платон академик был Платоном, переложившим сначала александрийскими эпитифами, а потом византийскими ипотифами, а затем Платоном, ипотифом

Платоном»... (стр. 84 и сл.). Разумеется, не только рабочий, но и среднй студент без основательной историко-филологической проработки не поймет подобной странности. А их в книге немало. Необходимо соразмерять предлагаемым вниманию читателя материал с уровнем этого читателя, а не писать научно-популярную книгу pour tous les peuples, pour tous les temps (для всех народов, на все время). Впрочем, повинен во всем этом не столько автор, сколько издательство, о чем речь будет ниже.

Однако, вернемся к марксистской основе в понимании А. Дживелегова. Он пишет: «Леонардо старался таить за собой свой век всеми усилиями своего гения, а век этого не замечал» (223). Это затейливое записе справа налево — чем, кстати, любил заавлять великий художник и ученый — можно было бы назвать марксистский развее после того, как наберут такое зеркала, которое будет переворачивать на материалистический лад всякое идеалистическое положение. Сам же наш автор развивает эти свои мысли так: «(Леонардо) не раскрылся ни перед кем. И не раскрылся до конца. В сущности говоря, и мы сейчас, после того, как прочитали почти все, что осталось после него, после того, как написано о нем столько томов и ученых и поэтами, после того, как в его дунде (?.. А. Б.) рынась проинципальнее умы всеми доступными художественными, научными и псевдонаучными методами, вплоть до фрейдизма, — мы не знаем по-настоящему, что представляет собой Леонардо как человек» (92). Все это было бы очень грустно, если бы не было так бесомощно и наивно. Дживелегов говорит про Леонардо да Винчи, что он был человеком «склонным к аристократизму и легко усваивавшим привычки и внешние тон дворянского приворного общества», и с грустью прибавляет: «нам это неприятно, но это так» (220). Слегка перефразируя эти высказывания, мы бы могли назвать автора книги человеком «склонным к идеализму и легко усваивавшим привычки и

дугной тон буржуазных жрецов науки». Нам это неприятно, но, увы, это так.

К сожалению, не лучше обстоит дело и с той областью деятельности Леонардо, которая связана с техникой и изобретательством». Поставив перед собой три определенные задачи (марксистская основа, техника, живопись), автор все изложение разбил хронологически на 4 главы: «Во Флоренции», «В Милане», «В странствиях» и «Во Фрэнции». В результате технико-изобретательская деятельность Винчи оказалась в книге разбросанной, к тому же лишь поверхностно, аутроутой, не углубленной историческим анализом (марксистская основа осталась за скобкой).

Всего лучше показал Леонардо как художник. С этой стороны автор является бесспорным знатоком фактов и умело, по-марксистски трактует их. Вообще в отношении материала книжка Дживелегова представляет бесспорную ценность и местами читателю с большим интересом.

Но все же достаточно прочитать книгу оного Дживелегова, чтобы ясно понять, что великий человек никакой загадки не представлял, а заключался от оперной атмосферы социального окружения.

Основной недостаток книги З. Цейтлина, посвященной Галилею, заключается в ее чрезмерной многословности, неуверенной детализации и излишнем обилии имен, понятий, терминов. Книжка следовало бы сократить вдвое, привнести ее местами популярной материал в компактное, интересное написание повествование о возникновении новой, буржуазной науки, о жизни и борьбе замечательного человека, носителя новой культуры труда.

Галилей, работавший на научном поприще лет на 60—70 позже Леонардо, в очень многом схож со своим предшественником по размаху своего творчества и энциклопедичности своих знаний.

Для осуществления своих задач ему нужно было решительно рвать со старыми традициями, нарушать освященные церковью устои, опровергать существующие нормы. И Галилей при помощи изобретенной им артельной трубы впервые увидел на дие высокие горы и темные запади-

ны, которые он считал морями. Галилей с большой точностью измерил высоту лунных гор, установив фазы Венеры, открыл пятна на солнце и доказал, что солнце вращается вокруг своей оси и периодом в 27,5 дня. А главное — Галилей открыл четыре спутника Юпитера и тем опровернул старую «норму» о том, что все планеты вращаются долами в роде тах: неслеза имеет семь дней, голова — семь отверстий, существует лишь семь металлов. Прогмеем знал лишь семь планет. Но основное значение открытия спутников Юпитера заключалось не в этом. Таблица движения метельческих звезд, как названы были спутники Юпитера, позволила блорпугично разрешать аладу определения долгот в открытом море. Этот факт имел огромное значение для морской торговли, игнорировать открытие никак было нельзя, и ученые Коперника тем самым приобрели аргумент, исходящий от интересов торговли.

Вообще, книга о Галилее содержит много интересного и поучительного материала. Однако недостатком ее от этого ничуть не уменьшается «Линия стилистическая» ее оуруной, язык и стиль книги часто не обработаны. В самых делах можно и должно сочетать повести автора к стилюстики и инквизиции, но ее пбиза вырвать таким стилем. Схоластики несли целью «по возможности крепче захватить в свои научные сети всякое новое научное открытие и догматичеи и, облив его ядом ума, столетиями рафинированного, тем самым его обезвредить» (90). Или фразы: «Умирающая и мертвое всегда едино, однако, хитается и держится за парождающиеся и живое» (87). Или еще: древние метафизики полагали, «что небесным телам не причисляется шпаться по небу» (51); «Девкрыты и спорники инквизиции могли чувствительно поражать отдельных личностей» (34). Недостатками также и перышанные формулировки, в роде того, что Галилей принимал к мировоззрению Спинозы (30). Галилей, как известно, умер в 1642 г. и Спиноза родился в 1632 г. Или такая историко-философская сирвака: «Александров тер утержал, что земля — цилиндр, Эмпедокл — шаром» (47). В последнем, до сих пор бываю показываю как прототип цилиндра, а во-вторых,

Эмпедоклу вообще барабаны не были известны.

И не хочу сказать, что разобранные мной книги сделаны небрежно, научно. Еще меньше склонен я обвинять обонх авторов в недостаточном овладении материалом и т. п. С этой стороны оба автора, и особенно, Дживелегов — вполне великих подворений. Дживелегов к тому же является весьма уриным литератором. Но оставшееся научно-популярной книги не всегда может быть делом одного профессора, пусть сведущего в предмете и талантливого литератора. Должен существовать такой редакторский аппарат, который указывал бы автору, что требуется от данной книги.

В отношении же книги З. Цейтлина редакция прямо должна была переать рукопись, как материал, на литературную обработку хорошему литератору, и тогда мы имели бы удачливая и стоящую на высоком научном уровне популярную книгу, заслуживающую тиража не в 4000 экз., а гораздо большего. В настоящее время же виде «Галилей» представляется растраченное и скучное сочетание, о трудном допытываемом до конца.

В деле создания научно-популярных серий необходима творческая работа с автором на основе изучения широких кругов читателя. Наши издательства не могут ограничиваться функциями экакакиа и полиграфиста, они должны являться творческими лабораториями для писателя.

И еще олакое соображение. В серии «Жизнь замечательных людей» до сих пор нет ни биографии Маркса и Энгельса, ни биографии Ленина, нет жизнеисписания Дзержинского, Фрунзе.

Это значит, что политическая сторона дела поставлена в издательстве слабо. Издательство не подяло работу по составлению биографий на политическую высоту, не заинтересовало нашу партийную общественность и не привлекло лучших авторов-коммунистов.

К 20-летию Октябрьской революции эти соображения не только необходимо устранить и сделать серию «Жизнь замечательных людей» подлинной советской научно-популярной энциклопедией особого рода.

НОВЫЕ КНИГИ

советская литература

М. Горький. Избранные рассказы. (Человек, «Старуха Изергиль» и др.) Под редакцией и с примечаниями А. П. Брусилова. 343 стр., цена 1 р. 85 к. Москва, Гослитиздат.

История «Крым» (Осенняя выставка московских живописцев).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК И ЕГО ЧИТАТЕЛЬ

классическая литература

Н. Добролюбов. Литературно-критические статьи. Избранные. С предисловием В. П. Соловьева. 488 стр., цена 2 р. Москва, Гослитиздат.

переводная литература

Леонард да Винчи. Избранные произведения в двух томах. Перевод под редакцией А. К. Давидовича и А. М. Фролова. Том II. (Художественная проза, Искусство). 420 стр., цена 10 р. Москва — Ленинград, «Academia».

детская литература

Е. Боронина. Рассказы звериного доктора. Для детей младшего возраста. Рисунки Г. Шевнера. 2 издание. 67 стр., цена 75 к. Ленинград, Лендетиздат.

Н. Гоголь. Повести. (Сорочинская ярмарка, «Иван Федорович Шпонька и его тушушка», «Старосветские помещики» и другие) Редакция текста, комментарий и примечания А. Славянского. 296 стр., цена 1 р. Ленинград, Лендетиздат.

С. Маршак. Книжка про книжки. Стихи для детей. Рисунки Д. Митрохина. 5 издание. 16 стр., цена 60 к. Ленинград, Лендетиздат.

А. Пушкин. Сказки. Редакция текста, статьи и примечания А. Славянского. Рисунки В. Конашенца и других. 6 издание. 119 стр., цена 3 р. 60 к. Ленинград, Лендетиздат.

Б. Чарушин. Животные жарких стран. Рисунки автора. 12 стр., цена 70 к. Ленинград, Лендетиздат.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК И ЕГО ЧИТАТЕЛЬ

Следует сожалеть, что встреча редакции «Литературного критика» (4 декабря) с читателями носила несколько унылый характер: на встрече присутствовало весьма ограниченное количество рабочих читателей, да и то не все оказались подготовленными к обсуждению вопросов, которые редакция «Литературного критика» наметила в разосланной по предприятиям анкете.

Вина полностью падает на заведующих фабрично-заводскими библиотеками, отнесшихся к этому делу без должного внимания. Неудивительно, что вся беседа носила несколько обий характер, что было обидно существом проблем, поставленным в журнале.

Все же известную пользу из того обмена мнений, который имел место на встрече, редакция «Литературного критика» могла извлечь. Она получила новое свидетельство того, что тяга рабочего читателя к критической литературе сейчас огромна. Этот читатель требует от «Литературного критика», как и от всех наших литературных органов, большей оперативности, более полного и своевременного освещения важнейших книг, большего внимания к истории советской литературы.

У нас, — заявляет т. Николаенко (завод им. Сталина), — очень велик интерес к современной иностранной литературе, к творчеству братских народов, и мы хотим, чтобы «Литературный критик» уделял этому вопросу больше места. Тов. Телпов («Шарикополтинник») говорит о необходимости ставить общие вопросы на материале художественной литературы. Группа рабочих завода «Шарикополтинник» получила т. Телпову сделать редакцию «Литературного критика» конкретную заявку на статью «Павел Корчагин и проблема положительного образа».

Работавшая в общем высоко работу журнала, многие высказывают недовольство некоторым академизмом его, сложностью языка статей, стилистическими их сухостью, что затрудняет их восприятие массовым читателем. Справедливо настоявая на устранении этих недостатков, некоторые товарищи охотно перегибают палку в сторону требований явного упрощенческого характера.

На неправильность этого взгляда указали в своих выступлениях тт. М. Роговская, Ю. Юзовский, М. Лифшиц и И. Сац. Они подчеркивали, что «Литературный критик» должен как можно скорее преодолеть указанные читателями недостатки стиля и языка, но не путем снижения теоретического уровня статей, а наоборот, путем прелестного углубления их содержания.

Особенно досадно, когда некоторые, несомненно талантливые, живописцы, спешив ранее достигнутые высокие качества, впадают в болото прикрашенной, «приятной» живописи. Так, например, зачем понадобилось Алпикашину после очень хорошего «Станца в степи» (на весенней выставке) дать что-то вроде лязгавости? Вид опасения явления возникает из-за недостаточности правильного понимания принципа — «изучение старинных мастеров». Речь идет не о том, чтобы извращения этого принципа, как у В. Яковлева в его «Архиписте», «Механическое» — изучение приемов старых мастеров привело художника к тому, что вместо живого портрета получились перечисленные безформенные детали: вывалившаяся щека, какие-то снытые нумалды вместо рук, одна нога (второй нет), неизвестно как державшаяся арфа, обремененная зато пышно выписанными лепными украшениями и болтающимися концами струн, и т. д. Отнюдь не сравнивая с Яковлевым работу Нисского, следует сказать, что в использовании приемов Ван-Гога и Боннара Нисский настолько углубился, что дошел почти до подражательного декоративного «модерна».

На весенней выставке ряд молодых художников впервые выступили с работами, показывающими усердие и обстоятельное изучение натуры, пожалуй, понятие слишком по-учебному, но вполне оправданное. Сейчас создается впечатление, что некоторые из них, например, Северский, замечают плешием добросовестных му-

За 5 дней

Диспут на тему «Каким должно быть здание выставки «Индустрия социализма» состоялся 4 декабря в Доме архитектора. В диспуте приняли участие художники Грабарь, Бродский, Юон, архитекторы Шувей и Гинзбург, скульптор Меркуров и др.

В клубе мастеров искусств состоялся вечер песни донских казаков. На вечере выступили исполнители из донских песен Э. И. Доггарская и хор колхозников Венесерской станции, приглашенный в Москву ГАБТ СССР в связи с постановкой оперы «Тихий Дон» по роману М. Шолохова.

С. С. Динамов прочел 4 декабря в Доме кино лекцию на тему «Американская литература XX века». С чтением отрывков из произведений американских писателей выступили Ю. Глазунов и В. Грибов.

Встречу московских авторов, художников и скульпторов с советскими детскими организациями 5 декабря в клубе мастеров искусств. В встрече приняли участие тт. Кошкин, Милов, Манюшкин и др.

Встречу научных работников с авторами научно-популярных книг организовала 7-го декабря редакция научно-популярной и юношеской литературы ОНТИ. Доклад о конкурсе на лучшую научно-популярную книгу выступил академик А. Н. Бах. В. А. Обручев, С. Д. Вавилов и др.

7 декабря балетная труппа Большого театра М. Семенова уехала в Париж на гастроли в «Гранд Опера». Артистка будет выступать в трех спектаклях: «Жизель», «Спящая красавица» и «Лебединое озеро».

Вечер писателя-орденоносца Николая Островского состоялся 8-го в Доме кино. Доклад о творчестве Островского сделал В. А. Крылатов. Отрывки из романа «Как закалялась сталь» прочел артист П. Д. Ирландия.

Проф. А. Давидович читает в Доме советского писателя цикл лекций по истории драмы. Вчера он прочел первую лекцию на тему «Комедия дель арте» и ее значение для новой драмы.

О своих зарубежных впечатлениях рассказывает в Доме печати вернувшийся из поездки в Чехословакию писатель С. Тютюков. Критическая секция организовалась при союзе советских архитекторов. Секция будет устраивать общественные просмотры и обсуждения наиболее интересных архитектурных объектов Москвы.

14 декабря в 7 часов вечера в ДСП состоится заседание бюро секции критиков с активом, посвященное обсуждению работы прикрепленных критиков за год.

В первый раз выставляются на большой выставке в качестве живописцев остальные Куриряны — И. Соколов и М. Курирянов, что не мешает им сразу же занять одно из первых мест в списке советских мастеров пейзажа: «Море» Соколова и «Солнечный день» Курирянова отли-

чаются прекрасными качествами светлотского заочного пейзажа, несмотря на свой якобы «этнольный» характер. Коллективная работа Куриряновых «Генералы Хорват и Гайла» приобретает еще один убедительный образ к их замечательной серии «Лето в прага». Мужской портрет Рыжого — лучшая его работа, как бы подводящая итог поискам художника в области портрета. Хороши пейзажи Осмеркина, цветы Лентулова.

Художники разных направлений, каждый по-своему, работают над общим стилем советской живописи — стилем социалистического реализма. На осенней выставке очень ярко выдвигаются простые и глубоко эмоциональные пейзажи Иосифина и Гончарова, совсем отбросивших субъективизм, отдаленно формализма, метод своих старых работ. О ренессансном повороте свидетельствуют работы Тышлера, столь долго бывшего крайне субъективным романтиком, вышедшим совершенно резко обвинения в формализме. Романтическая замечательная серия «Цыган» лирична своей простотой и пассивно по своему воплощению. Они служат серьезным напоминанием советским художникам о первоочередной задаче советской живописи — создании монументального портрета.

ТИХИЙ ДОН

будет закончен в феврале

Из беседы с М. Шолоховым

М. Шолохов не любит говорить о себе подробно, не любит рассказывать о своих творческих планах. Интервьюером он вечно избегает. Вступительный же в беседу, весьма немногословный, и чем больше вы задаете ему вопросов, тем скучнее он на них отвечает.

Все мы с нетерпением ждем появления четвертой книги «Тихого Дона» и второй книги «Подвиги целины».

В беседе с нашим сотрудником М. Шолохов сообщил, что над «Подвиги целины» в настоящее время он не работает.

Материал для второй книги, — говорит писатель, — мною уже собран, план композиции продуман, по писать же и начну после того, как закончу четвертую и последнюю книгу «Тихого Дона». К печати она будет готова по всей вероятности в феврале. В ней разрешаются все тематические линии романа. План всей книги заданная мной еще до написания первой книги «Тихого Дона». С того времени он не подвергался существенным изменениям. В процессе работы варьировались лишь некоторые детали плана и композиции отдельных сцен.

Какую помощь вам оказала критика? — Почти никакой. Мы, писатели, любим, когда о нас хорошо пишут, но «хорошо» — это не значит только хвалить. На недостаток похвал по моему адресу я пожаловаться не могу. Писать о книге хорошо — это значит, по моему разумению, дать углубленный анализ ее, высказать в статье мысли и соображения, которые помогут бы автору в его дальнейшей творческой работе. Мне лично очень помогут письма читателей. В них я нахожу много ценного и интересного для себя.

ВЫСТАВКИ В КЛУБАХ

В течение декабря Всекохудожники организует в московских клубах персональные и коллективные выставки художников.

В клубе завода «Кваучук» устраивается тематическая выставка «Москва в изобразительном искусстве». В выставке участвуют П. Кончаловский, А. Куприн, А. Лентулов, И. Павлов и др.

Персональная выставка художника Ф. Моторова открывается в клубе им. Авдеева. В клубе финансово-банковских работников (Ильинка, 9) организуется коллективная выставка произведений художников И. Вилова, народного художника Армении М. Сарьяна, А. Лентулова, П. Кончаловского, А. Герасимова и др.

Ю. ЯНОВСКИЙ НА ЗАВОДЕ № 120 Третьего дня на заводе № 120 состоялась встреча рабочих завода с украинским писателем Ю. Яновским. Вечер был посвящен обсуждению романа «Всадники». После доклада А. Тарасенкова о творчестве Яновского автор «Всадников» прочел на украинском языке отрывок из романа. П. Зенкевич, переводчик «Всадников» на русский язык, прочел главу из романа.

Роман Яновского хорошо известен рабочим завода. Заводская библиотека выдала эту книгу свыше ста читателям. Рабочие завода № 120 дали оценку «Всадникам» в заводской газете «Пролетарская правда», выслушавшей ко дню встречи с писателем специальную агитацию.

Выступавшие на вечеру т. Эмрин (секретарь заводского комитета ВЦСПС), рабочий т. Костенко, инженер Павлов, т. Носов (начальник планового отдела) и др. говорили о больших художественных достоинствах романа. Молодые рабочие подчеркивали, что особенно впечатление на них произвели незабываемые сцены и образы эпохи гражданской войны, о которой они знают лишь по рассказам.

«ГЛУБОКАЯ ПРОВИНЦИЯ» В ТЕАТРЕ ВЦСПС 13 декабря театр ВЦСПС показывает новую постановку «Глубокая провинция». Автор пьесы — М. Светлов.

В беседе с нашим сотрудником постановщик пьесы, заслуженный артист республики А. Д. Диккий, рассказал о спектакле: — Глубокая провинция ушла в область предания. Там, где 18 лет назад стоял немыслимый мурак российского захолустья, где люди были приделаны помещицким произволом и изломанном деревенской жизни, — в прежней глубокой провинции под влиянием великой социалистической революции коренным образом изменилась жизнь. И главное — преобразились люди. Такова основная идея постановки.

— Пьеса М. Светлова — необычная пьеса. Это даже не пьеса, если ее рассматривать с точки зрения обычных драматургических законов. Нужно было найти такую сценическую форму, в которой легче всего можно выразить и донести до зрителя глубокий смысл и лирический тон этого произведения.

— Мы старались сохранить архитектурную пьесу. В нашей постановке нет и попытки усилить сюжетную сторону «Глубокой провинции». Спектакль имеет форму театрализованного концерта. Режиссеры спектакля — И. Вильер и В. Тамарин. Режиссер-лаборант — Я. Штейн. Художник — И. Шифрин. Композитор — В. Оранский.

ТРЕХМИНУТКИ

На днях в Доме печати трест Союзтехфильм показал свои новые звуковые «трехминутки»: «Архангельское», «Иркутск» и «Петроград». Это — 100-метровые фильмы, демонстрирующиеся ровно три минуты. В «Петрограде» и «Архангельском» показаны основные достопримечательности этих мест и рассказывается их краткая история. В «Иркутске» показаны различные замечательные достопримечательности Иркутска.

На этом же вечере были продемонстрированы новые короткометражные Союзтехфильма — «Про левенка Кипули», «Занимательная ботаника» и др.

В ИЗОГИЗЕ

Изогиз выпускает большую серию монографических таблиц о жизни и творчестве писателей, мирислов и советских писателей, художников, скульпторов и композиторов.

Всего напечатано выпустить 43 таблицы, в том числе о А. Пушкине, Л. Толстом, М. Горьком, Романе Роланде, Шекспире, Бальзаке, Барбюссе, М. Шолохове, Рембрандте, И. Репине, П. Чайковском, Ветховене и др.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

«Открыл по истории русской советской поэзии» А. Селивановского печатаются в Гослитиздате.

В вольной части книги дан анализ достояния поэтических школ — символизма, акмеизма и футуризма.

говорит о том, что Тышлер стал на путь глубокой перестройки. Новая работа Пименова «Портрет Вери Шитковой», пожалуй, лучше, чем какой-либо иной портрет на выставке, решает задачу воплощения в живописи образа нового человека. Как бы подводящая итог поискам художника в области портрета, Хороши пейзажи Осмеркина, цветы Лентулова.

Художники разных направлений, каждый по-своему, работают над общим стилем советской живописи — стилем социалистического реализма. На осенней выставке очень ярко выдвигаются простые и глубоко эмоциональные пейзажи Иосифина и Гончарова, совсем отбросивших субъективизм, отдаленно формализма, метод своих старых работ. О ренессансном повороте свидетельствуют работы Тышлера, столь долго бывшего крайне субъективным романтиком, вышедшим совершенно резко обвинения в формализме. Романтическая замечательная серия «Цыган» лирична своей простотой и пассивно по своему воплощению. Они служат серьезным напоминанием советским художникам о первоочередной задаче советской живописи — создании монументального портрета.

А. ЧЕГОДАЕВ, Ответственный редактор Л. М. СУБОЦНИЙ. ИЗДАТЕЛЬ: Журналино-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-69

КИТАЕВЕРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ. Союзгиз, 1935. Стр. 188. Ц. 2 р. 75 к., в пер. 3 р. 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1936 год на журналы «ИСКУСТВО» Духовечный журнал, критический и теоретический, освещающий вопросы изобразительных искусств (живопись, скульптура и графика) и рассчитанный на художников, искусствоведов, искусствоведов, искусствоведов, искусствоведов и др.

«НА СТРОЙКЕ МТС И СОВХОЗОВ» Ежемесячный художественно-иллюстрированный журнал, дающий в картинках и фото-иллюстрациях изображение грандиозной социалистической перестройки деревни и деревенского человека и рассчитанный на колхозный и совхозный аства.

«СССР НА СТРОЙКЕ» На русском языке. Ежемесячный художественно-иллюстрированный журнал, посвященный вопросам социалистического строительства.

«СОВЕТСКИЙ ТЕАТР» Ежемесячный журнал, разрешающий основные творческие и организационные вопросы театрального искусства, рассчитанный на широкие круги работников театра.

«СОВЕТСКИЙ МУЗЕЙ» Двухмесячный журнал, освещающий методику музейного строительства в СССР, информирующий о деятельности музеев в СССР и за границей и рассчитанный на работников музеев и искусствоведов.

Государственное издательство «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» Открыта подписка на 1936 год на литературно-художественные журналы: МОСКВА

«КРАСНАЯ НОВЬ» «НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ» Ежемесячный журнал художественной литературы, критики и публицистики.

«ОКТАБРЬ» Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

«3 НАМЯ» Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК» Ежемесячный журнал литературно-художественной критики и истории литературы.

«3 ВЕЗДА» Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

«РАБОЧИЙ И ТЕАТР» Двухнедельный иллюстрированный журнал, посвященный вопросам драмы, оперы, балета, цирка и эстрады.